

ОДЕССКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. И. И. МЕЧНИКОВА

В. П. САЕНКО

**ТВОРЧЕСТВО А. А. ГАВРИЛЮКА
И АНТИФАШИСТСКАЯ
АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА**

Специальность № 10.642. Литература народов СССР
(украинская)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

ОДЕССА — 1971

Глибокошановному
Іванові Івановичу
Дорошенкові

з щирими вітаннями одеситів і з поштовими великодушною
симпатією.

12/15-1941р.

В. С.

В. П. САЕНКО

ТВОРЧЕСТВО А. А. ГАВРИЛЮКА
И АНТИФАШИСТСКАЯ
АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Специальность № 10.642. Литература народов СССР
(украинская)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена в Одесском ордена Трудового Красного Знамени государственном университете им. И. И. Мечникова (кафедра украинской литературы).

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ —
доктор филологических наук, профессор *В. В. ФАЩЕНКО*

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ:

1. Доктор филологических наук, профессор *М. А. ЛЕВЧЕНКО*
2. Кандидат филологических наук, доцент *Е. П. КОВАЛЬЧУК*

Ведущее учреждение: Львовский ордена Ленина государственный университет им. И. Я. Франко.

Автореферат разослан

1971 г.

Защита диссертации состоится 1971 г. на заседании Совета филологического факультета Одесского университета (г. Одесса, ул. П. Великого, 2).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке университета.

Ваши отзывы на автореферат просим направлять по адресу: г. Одесса, ул. Петра Великого, 2, ученому секретарю университета.

Ученый секретарь Совета университета

(*В. С. Короленко*)

Творчество Александра Акимовича Гаврилюка, равно как и революционная деятельность, — блестящий пример духовного мужества, рожденного в грозных битвах XX века. Его художественное слово в защиту идей социализма, подкрепленное примером личной активности, отражает твердость творческого духа писателя, верность коммунистическим идеалам и действенность борьбы за них.

А. Гаврилюка называют западноукраинским Н. Островским и Ю. Фучиком. Эта характеристика, несомненно похвальная для писателя, страдает определенной односторонностью, хотя к ней прибегают с наилучшими намерениями, пытаясь объяснить своеобразие А. А. Гаврилюка ссылкой на художников других литератур. Между тем А. Гаврилюк, действительно в чем-то близкий и Ю. Фучику и Н. Островскому, должен быть известен на Украине и за ее пределами не только как украинское «издание» героических писателей — представителей европейского искусства, но и как личность в литературе вполне самостоятельная и своеобразная. Поэтому надлежит не столько объяснять Гаврилюка другими писателями, сколько поставить их рядом как деятелей одной эпохи, проанализировать общее и оригинальное в их произведениях. Это особенно важно, поскольку исследуется частица украинского литературного вклада в общечеловеческое дело идейного разоблачения фашизма и разрешение проблем гуманизма.

Творчество А. Гаврилюка по объему очень скромно. Но оно представляет собой большое достижение антифашистской европейской литературы, связанной с могучим антигитлеровским движением и огромной верой в Советский Союз как знаменосца передовых идей. Украинский писатель принадлежит к когорте художников, чьи произведения проникнуты пафосом сопротивления идеологии фашизма во всех ее видоизменениях и формах. Их произведения утверждают непокоренность человеческого духа, живую волю к борьбе и чувство полного единения трудящихся разных стран.

А. Гаврилюк боролся с фашизмом как революционер-подпольщик и заключенный белопольского концлагеря Береза Картузская, был одним из надежных звеньев общеевропейского фронта защиты культуры. Он оставил первое украинское художественное свидетельство о методах фашистского уничтожения человека. Его повесть «Береза» хронологически предвосхищает появление многих произведений антифашистской литературы. В ней раскрывается психология борцов коммунистов-антифашистов. Не случайно именно А. Гаврилюк первым в европейской литературе широко употребляет слово «сопротивление», характеризуя отношение заключенных к фашистам. Показательно, что лишь несколько лет спустя деятель французского антифашистского движения, русский по происхождению, Борис Вильде для названия подпольной газеты употребил слово «Résistance», ставшее определением борьбы народов Европы против фашизма.

К сожалению, на родине писателя повесть «Береза» стала широко известна только в послевоенные годы. Впервые она вышла на польском языке в сборнике «Almanach Litgaski» в 1941 г. и на английском — в том же 1941 г. в январском номере ж. «International Literature». А на языке оригинала «Береза» была опубликована на Украине только в 1946 г. (напомним для сравнения, что «Репортаж с петлей на шее» в переводе Л. Первомайского увидел свет тоже в 1946 г.). После издания избранных произведений в 1955 г. рассказы, повесть и стихотворения А. Гаврилюка не публиковались целых 15 лет¹. Русский перевод «Березы» вышел только в 1950 г., хотя русский вариант, написанный самим автором, до сих пор остается в архивах ЦГАЛИ. На языках народов СССР издавались только поэтические произведения А. Гаврилюка. То же следует сказать и о зарубежных изданиях.

Недостаточно популяризируется его творчество в школе и вузе. Все еще не создан документальный фильм о А. Гаврилюке. Остается мечтой и экранизация «Березы» — произведения кинематографичного по своей сущности.

Моральные потери, которые несет наша культура из-за недостаточного внимания к деятельности А. Гаврилюка, становятся все ощутимее, тем более, что события последних лет

---

¹ В 1970 г. опубликованы на украинском языке поэзия, проза, критика и публицистика А. Гаврилюка. См. кн.: «Пісня з Берези», К, «Дніпро», 1970.

очень остро ставят вопрос о нравственной стойкости человека перед лицом возрождаемого фашизма и тоталитарных режимов. Агрессивность империалистической идеологии и неонацизма, их широкая духовная экспансия на Восток требуют в борьбе с ними применения различного оружия, в том числе и «старого». Прославлению деградации человека, попыткам разбудить в нем звериные инстинкты, крайнему индивидуализму современного упадочнического буржуазного искусства Америки и Европы деятели социалистической культуры противопоставляют высокие образцы моральной чистоты и достоинства, преданности идеям демократии и коммунизма.

Вот почему столь важно изучение творчества А. Гаврилюка. Украинские исследователи собрали интересный и богатый материал о революционной деятельности борца за воссоединение Западной Украины с Советским Союзом. Эти материалы были частично опубликованы в сборнике архивных документов¹, частично содержатся в польском рукописном сборнике², а также использованы в монографиях Б. Буряка, Ю. Мельничука, В. Радченко. Литературные портреты и книги о Гаврилюке³, многочисленные статьи о нем содержат интересные наблюдения над логикой художественного мышления писателя, рассматривают отдельные аспекты его творчества.

Вместе с тем остается ряд неосвоенных вопросов и проблем, решенных недостаточно глубоко. Среди них — интереснейшая проблема о месте творчества А. Гаврилюка в широком потоке европейской антифашистской литературы, определение своеобразия его этических и эстетических принципов, специфики взаимодействия интернационального и национального в его творчестве.

Данная диссертация возникла как первая попытка поставить названные проблемы на почву конкретного анализа и оп-

¹ Революційна діяльність західноукраїнських пролетарських письменників. Збірка архівних документів, Львів, Книжково-журнальне видавництво, 1959.

² Rewolucyjni pisarze Ukrainy Zachodniej. Instytut polsko-radziecki dział dokumentacji. Відділ рукописів Інституту літератури АН УРСР, ф. 75, № 387.

³ Б. Буряк. Служіння народів, К., Держлітвидав, 1960; Ю. Мельничук. Олександр Гаврилюк, Львів, Книжково-журнальне видавництво, 1955; Л. Новиченко. Не ілюстрація — відкриття! К. «Радянський письменник», 1967; В. Радченко. Безсмертя борця, К., «Радянський письменник», 1956; С. Трофимук. Олександр Гаврилюк, К. «Дніпро», 1968 та інші.

ределить возможные пути их разрешения. В задачи работы входило детальное исследование произведений А. Гаврилюка под углом зрения постепенного формирования ведущих особенностей его творческого метода и стиля, всей его мировоззренческой концепции. Картина творчества писателя дает основание представить динамику его роста и изменений при всем присущем ему постоянстве общественно-этических убеждений и эстетических принципов.

Комплексное исследование творчества А. Гаврилюка позволяет также полнее очертить его вклад в антифашистскую революционную литературу. Вторая часть работы посвящена сопоставлению ведущих тенденций творчества А. Гаврилюка с проблематикой и типичными эстетическими формами антифашистской революционной литературы XX века.

Исследование написано на украинском языке, состоит из введения, трех глав с шестью разделами и выводов.

* * *

Несмотря на то, что А. Гаврилюк писал и поэтические, и прозаические, и публицистические произведения, сопоставления ведутся преимущественно с антифашистской автобиографической прозой. Пользуясь по мере необходимости аналогиями с различными прозаическими жанрами и видами антифашистской литературы, мы сознательно ограничили конкретный круг сопоставлений и наблюдений пределами автобиографических произведений.

Диктуется это прежде всего особенностями творчества самого А. Гаврилюка, для которого является характерной автобиографичность в широком смысле слова. Она проявляется в том, что факты собственной биографии автора становятся историческим художественным документом эпохи. Для творчества А. Гаврилюка типично видение и художественное отражение мира через автобиографичность, которая присуща как содержанию, так и форме его прозы. Одновременно этот автобиографизм в значительной мере вызывался спецификой исторических условий формирования Гаврилюка как художника (тюрьма, концлагерь). Этими же условиями определяется и широкая тенденция автобиографичности, присущая антифашистской европейской прозе. Поэтому закономерно встает вопрос об особенностях жанра. Этому посвящена первая глава «Некоторые особенности автобиографического жанра».

В произведениях автобиографического плана с максимальной очевидностью раскрывается активная, действенная сторона художественного творчества как результат практической борьбы писателей. Автобиографический характер многих произведений XX в. объясняется тем, что революционная волна поднимала человека к вершинам героического дела, подвига.

Задача определения некоторых стойких особенностей жанра трудна. Поэтому в современном литературоведении нет отдельных работ, разрешающих эту проблему. Среди книг, которые так или иначе рассматривают данный вопрос, можно указать следующие: работы И. Д. Ходорковского («Историко-біографічні твори з життя письменників»), С. Машинского («О мемуарно-автобиографическом жанре», «С. Т. Аксаков»), Л. Чуковской («Былое и думы» Герцена») и труды польских исследователей — Чеслава Недзельского («O teoretycznoliterackich tradycjach prozy dokumentarnej»), Кароля Ижиковского («Autobiografizm»), а среди справочных изданий — словарь литературоведческих терминов Станислава Серотвинского («Słownik terminów Literackich») и книга болгарских авторов («Речник на литературните термини»). В работе И. Ходорковского вопросы автобиографизма рассматриваются попутно — в связи с особенностями историко-биографического жанра, без более широких теоретических обобщений. В трудах же польских ученых высказана мысль о формообразовательной функции автобиографизма.

Каждое произведение автобиографично в гносеологическом плане, ибо оно состоит из «я» плюс действительность. Но в автобиографическом жанре «я» равняется действительности, хотя и не перекрывает ее.

Грань специфики автобиографических произведений открывается в качественно своеобразной соотношенности познаваемого объекта и познающего субъекта. Вариантность взаимодействия познающего субъекта с характерами познаваемыми находит определенное выражение в автобиографическом жанре: тут происходит совпадение характера познающего с характером познаваемым. Особенно специфично это единство в антифашистских произведениях: если личность — средоточие общественных противоречий, то личность политического узника, заключенного в лагерь, — это фокус общественной борьбы.

В основе автобиографической конструкции произведений, в непосредственности и оголенности форм состоит одна из привлекательных черт жанра, сделавшего своим эпицентром

образ реально-исторического человека. Тут важен не динамизм события, но внутренний динамизм личности. Искренность и откровенность художника в автобиографическом произведении закрепляется в конструктивной особенности как эстетической категории. Проявляется она в сознательной простоте изложения, краткости без использования изощренных литературных форм. И материал собственной жизни автора становится художественным произведением только в том случае, если в центре его находится ситуация личности, совпадающая с объективной правдой определенного исторического периода, пропущенная через призму искусства.

* * *

Вторая глава диссертации—«Творчество А. А. Гаврилюка»—состоит из двух разделов, раскрывающих эволюцию украинского писателя путем детального эстетического анализа его произведений. В главе широко использованы архивные материалы, хранящиеся в Институте литературы АН УССР и ЦГАЛИ. Раскрывается природа таланта писателя, особенности формирования его мировоззренческой концепции в активной революционной деятельности в условиях панской Польши.

Первый раздел — «Начало темы» — содержит исследование динамики темы подвига, открытой в первом рассказе А. Гаврилюка «Прощайте». Здесь раскрыта психология героя-революционера, стоящего на пороге смерти; проанализированы разнообразные формы внутренней речи, передающие мыслительный поток героя, видимый язык чувств, пейзаж как состояние души человека, а также исследованы композиционное своеобразие произведения и особенности рассказа от первого лица.

В прозаическом дебюте А. Гаврилюка определилось направление его исканий: создание в литературе жизненно ярких характеров революционеров-коммунистов, которые, невзирая на трудности жестокой битвы, безраздельно преданы высоким идеалам. Особенности писательского дарования А. Гаврилюка как художника автобиографических наклонностей прослежены путем анализа и поэтических произведений «Спогади політв'язня», «Плакати».

В творчестве А. Гаврилюка наблюдается вариантность поисков принципов выражения автобиографичности. В «Прощайте» рассказ от первого лица особенно явственно объеди-

няет воедино автора и лирического героя. Взрыв лирического «я» кратковременными вспышками освещает и типическую фигуру революционера, и авторское лицо. В следующем автобиографическом произведении — повести, отрывок из которой под названием «Шляхи» был напечатан в альманахе «Поцейбіч», — писатель стремится эмоционально спокойнее, рассудительнее оценить пути революционера, дабы преподнести это не только как эмоционально изложенный, но и как рационально обдуманый урок. Отсюда преобладание звучащей речи, диалогов, авторского пересказа над внутренней речью. Активная, наступательная публицистичность входит как органичная составляющая в его творчество. Об этом свидетельствуют два рассказа — «В очах дитини», «Наївний мурин» (1930). В следующем произведении «Поема про петлю» (1932) писатель стремился овладеть приемами психологического анализа для художественного исследования души человека. Характеристика внутреннего состояния героини дается в форме рефлексии, размышления над психическим состоянием. Показательны и поиски в жанрах прозы. Обращаясь к этюду, очерку, рассказу, поэме в прозе, писатель стремился овладеть жанром рассказа с разной эмоциональной градацией.

Художественно исследуя тип борца, молодой писатель имел единомышленников в документальной прозе Западной Белоруссии 30-х годов, пребывавшей в аналогичных условиях профашистского режима панской Польши. Интересная переключка между западноукраинской и западнобелорусской литературой той эпохи прослежена в работе путем сопоставления рассказа А. Гаврилюка «Прощайте» с «Письмами на волю» Веры Хорунжей, написанными в течение шестилетнего пребывания в польской тюрьме.

В выводах к разделу проведены параллели между творчеством А. Гаврилюка и современной ему прогрессивной западноукраинской литературой. В сопоставлении с творчеством С. Тудора, Я. Галана, В. Бобинского, П. Козланюка явственное обрисовывается ведущая тема его произведений. Это тема жертвенного служения идее освобождения человека, прославления духовной неспасаемости и моральной чистоты революционера-коммуниста. У А. Гаврилюка своеобразный культ чести коммуниста, как этическое кредо и пробный камень для героев, на который переносится наибольший идейный акцент. Выделяет его и автобиографический момент, оптимизм восприятия мира, необыкновенная цельность натуры,

железная последовательность на раз избранном пути революционера и возвышение этической красоты коммуниста (тема чести, проблема подвига).

Во втором разделе главы — «Березский цикл» — исследована лучшая часть творческого наследия украинского писателя в тесной связи с анализом революционной деятельности А. Гаврилюка и борьбой западноукраинского народа против фашистской идеологии, широко распространяемой правительством панской Польши.

А. Гаврилюк испытал все трудности судьбы последовательного антифашиста, одним из первых вынесшего муки белопольского концлагеря Береза Картузская, в котором он побывал дважды.

«Березский цикл» произведений начинается (для украинской литературы) и продолжается (для западноевропейской) родословную глубоко человеческой и бесконечно закаленной литературы, которая создавалась в фашистских лагерях смерти, где уничтожались элементарные понятия о гуманизме и нормах морали.

Диссертант детально прослеживает творческую историю стихотворения «Береза» и поэмы «Пісня з Берези»; изучает психологию творчества писателя, пользуясь как рукописными материалами на польском языке, так и свидетельствами самого автора и очевидцев этого процесса, анализирует художественные особенности произведений. Закономерен вывод, что в первых произведениях «березского цикла» А. Гаврилюк выходил на новые рубежи в своем стремлении сказать веское слово как о человеке XX в., так и о времени, его обрешившем. Это был острый, страстный, выстраданный, проверенный собственным опытом ответ на центральный вопрос века — настолько убедительный, что слово будто непосредственно перерастало в дело. Не случайно белорусский поэт Максим Танк в книге «Листки календаря» считает, что эти произведения заслуживают наивысшей похвалы: «их нужно распространять как воззвания, их должен знать каждый»¹.

Уже эти произведения перебросили мост от украинской к антифашистской европейской литературе, создаваемой в различных местах концлагерного заключения. Стихотворение «Береза» и поэма «Пісня з Берези» стали идейно-эстетическим явлением антифашистского искусства. Но идейным и художественным центром «березского цикла» является повесть

¹ М. Танк. Листки календаря. М., «Советский писатель», 1969.

«Береза» с ее широкой гуманистической концепцией, с запечатленным в ней своеобразным типом художественного мышления автора.

В диссертации заново исследована творческая история повести, которая в литературоведении выглядела противоречиво. Впервые пересмотрена датировка произведения, приведены новые доказательства включения его в литературный процесс 40-х гг. С этой целью приводятся некоторые факты издательской истории «Березы», сопоставления текста повести с польским переводом, вышедшим в 1941 г. в первой книге «*Almanacha Literackiego*», с английским изданием в январском номере ж. «*International Literature*», а также с русским вариантом «Во поле березонька стояла...», написанным А. Гаврилюком и отосланным им в 1940 г. для издания в Москве¹.

Раскрывая природу репортажа, кратко прослеживая его историю, объясняя популярность в 30-е гг. в пролетарской литературе как Западной Украины, так и Польши, Чехословакии, Германии и Болгарии, автор раскрывает специфику синтетического жанра «Березы», в котором соединяются близость к реальным событиям, фактам, реальным прототипам, с одной стороны, и с другой — достаточно яркие жанровые категории автобиографической и психологической по характеру повести. Жанровое своеобразие произведения состоит в том, что это «кардиограмма души», как и в «Прощайте», но в художественном смысле решенная на более высоком уровне.

Психологическая структура повести, которая многоаспектно проанализирована в работе, раскрывает содержание произведения, художественное воплощение идеи и эстетического идеала.

В раскрытии психологии сопротивления определилось наивысшее творческое достижение украинского писателя, которое без преувеличения можно положить в основу специфики антифашистской литературы. Психология сопротивления в повести «Береза» — это обширная проблема политического, этического и эстетического порядка: способ отношения к жизни, выбор форм существования, достойного человека, упорные поиски справедливости, красоты, целесообразности существования, которое мыслится как борьба с антигуманной сущностью фашизма. Эта кардинально свежая, актуальная проблема, которую позже развивает и углубляет антифа-

¹ Ныне он хранится в архивах ЦГАЛИ, ф. 1397, № 44.

шистская литература других стран, высекается в теме героического подвига. Не случайно движение народов Европы против гитлеризма было позднее названо движением Сопротивления, а психология его — действительно краеугольный камень в оформлении этого общеевропейского течения.

В «Березе» психология сопротивления раскрывается постепенно и с определенной степенью традиции и диалектики. Для того чтобы вскрыть причины сопротивления, его мотивы, формы и значимость, писатель художественно исследует разные проявления характерных черт жизни концлагеря.

Психология сопротивления в повести А. Гаврилюка дается в двух аспектах: индивидуальное и коллективное, составляющие диалектическое единство. Индивидуальное сопротивление связано с проявлением личности, со способностью каждого человека находить внутренние силы для того, чтобы выдержать страшнейшие муки и не изменить своему человеческому естеству, своей индивидуальности. Способы выдержки, формы сопротивления составляют своеобразие каждой личности. Человеческие качества писатель ставит в прямую зависимость от умения постоять за честь. В сопротивлении А. Гаврилюк ищет реальные очертания определенного типа человека и индивидуальные признаки характера. Если с этой точки зрения рассмотреть характеры положительных героев «Березы», то раскроется интересная особенность. Так, например, для артистической натуры главного героя творчество — одна из форм сопротивления. Это утверждение непокоренности духа, писательской чести; героизм проявлялся именно в творческом акте. Логика характера диктовала определенные формы поведения, которые составляли индивидуальное сопротивление. В личности доктора Правина, Берковича, Райхштайна и др. А. Гаврилюк отыскивает важнейшую грань — психологическую сопротивляемость, форма которой индивидуализирует характер.

Психология коллективного сопротивления в повести имеет неповторимые приметы, проявившиеся в своеобразии березской коммуны, в ее подпольной работе. В диссертации приводятся высокие образцы интернациональной дружбы, коллективного единства в преодолении жестокой изоляции, которые художественно тонко и психологически достоверно интерпретируются в «Березе». Исследуются также приемы психологического анализа, поставленные на службу постоянного противопоставления внутреннего состояния человека и внешнего выражения его. Не случайно психологизм повести при-

обрел простые и экономные формы. Особенностью произведения является сквозная тематическая доминанта внутренних монологов основного персонажа, передающих как специфику концлагерной ситуации, так и диалектику души героя, внутренние реакции его на пережитое, а также служащих приемом интеллектуализации героя.

Детально прослежена интересная закономерность в использовании принципов психологического анализа для характеристики отрицательных типов и положительных героев.

Особенно это касается центральной фигуры — образа молодого писателя. По характеру это борец, а по призванию — писатель. В самохарактеристике его, продиктованной спецификой жанра, сосредоточено все: и восприятие концлагерной обстановки, и реакции-ответы на события, и поиски равновесия духа, и размышления о смысле жизни, и эстетические вкусы, и моральные оценки, и самоанализ, усиленный острой писательской наблюдательностью, и мотивация поведения и действий коллектива, и сентенции по поводу общечеловеческих проблем. Ясность мышления, трезвость оценок, культура чувств, скромность поведения, сдержанность в выражении эмоций свидетельствуют о человеке больше, чем детальные описания. В повести «Береза» конкретизированы гуманистические основы данной личности — героизм и оптимизм. Самое главное в образе центрального героя — это подчеркивание классового, национальной, партийной типичности, то есть трех компонентов, составляющих приметы типа нового человека XX в.

Показательно, что психологическое исследование характеров классовых врагов особенно не занимало А. Гаврилюка. Несомненно, психология фашизма во всей глубине раскрылась позже, и в этом смысле произведения А. Гаврилюка свободны от каких бы то ни было упреков. Недостаточность внимания к психологическому облику врага, особенно к психологии неустойчивых людей, обедняет антифашистские произведения 30—40-х гг., в том числе и повесть украинского писателя.

На материале противопоставления людей и людишек в разделе исследуются особенности гуманистической концепции автора «Березы».

Концепция человека, проблема гуманизма в повести нашла художественное воплощение в композиции, подтвердившей органический талант ее автора. Секрет ее своеобразия состоит в том, что наивысшее напряжение действия достига-

ется не за счет внешних событий, а путем особого накала переживаний, противоречивых мыслей. Почти полное отсутствие внефабульных элементов, исключение всего лишнего, сознательное ограничение в деталях придает повести строгость, монолитность и цельность.

«Березским циклом» А. Гаврилюк вписал своеобразную страницу в историю антифашистской европейской литературы. Несомненно и другое: антифашистская тема, разработанная А. Гаврилюком, тесно связана с традициями классической украинской «тюремной» литературы, представленной произведениями Т. Шевченко, И. Франко, П. Грабовского, П. Мирного, А. Тесленко и др. «Береза» — первое возникшее на славянской почве художественное свидетельство о методах фашистского уничтожения и сопротивления ему. Без преувеличения повесть можно оценить как своеобразное явление, не имеющее себе равных ни в украинской, ни в польской литературе того времени. «Березское» творчество А. Гаврилюка было качественно новым литературным событием, ознаменовавшим поиски художественного решения антифашистской темы.

* * *

Синтетическая картина антифашистского течения вырисовывается из анализа национальных литератур. Этому посвящена третья глава диссертации «**Пути развития антифашистской автобиографической прозы**».

Термин «антифашистская литература» не следует считать только политическим, не связанным с собственно литературоведческими категориями, ибо он концентрирует как идеологические особенности мышления, рожденные определенным временем европейской истории, так и весьма определенно выраженные художественные черты. В характеристике самой антифашистской литературы различаем два периода ее развития: 1) 1933—1945 гг. — собственно антифашистская литература, литература Сопротивления; 2) произведения, написанные после войны на антифашистскую тему.

По такому принципу анализируется в четырех разделах главы немецкая, чешская, польская и французская проза.

В первом разделе исследуются специфические условия развития немецкой антифашистской литературы, идеологическая и художественная сила которой формировалась и возматрала постепенно.

Немецкая антифашистская литература со времени возникновения развивается в трех направлениях: 1) литература до-

кументально засвидетельствованных, преимущественно автобиографических произведений, связанных чаще всего с темой пребывания коммуниста, прогрессивного деятеля в концлагере; 2) реалистически-психологический рассказ о жизни интеллигенции в Германии и в эмиграции (Л. Фейхтвангер, Э. Ремарк, Б. Балаш, А. Габор, Ф. Вольф); 3) условно-обобщенное и сатирическое отражение основных конфликтов немецкого рейха и основных закономерностей, рожденных эпохой фашизма (Э. Вайнерт, Б. Брехт).

В работе рассматриваются преимущественно произведения первого направления, посвященные «концлагерной» теме. К ним относятся «Испытание» В. Бределя (1934), «Болотные солдаты» Лангхоффа (1936), «Тотенвальд» Э. Вихерта (1939), «Мемориал» Г. Вайзенборна (1944—1945). Несомненной общей чертой этих и многих других неназванных произведений является автобиографический характер. Автобиографичность определялась как судьбой самих героев, так и желанием сохранить максимум правдивости в изложении событий и фактов и стремлением избежать литературного своеволия и литературной «перекомпоновки» известных материалов.

Уже первое произведение данного цикла — «Испытание» В. Бределя, — сохраняя документально точную основу, отходит от форм последовательно-хроникальной описательности. Повесть состоит из пяти частей, в которых раскрывается, как коммунисты Германии, откровенные враги нацизма, сдают один из первых экзаменов в борьбе с фашизмом — находят в себе физические и психические силы для сопротивления в условиях концлагеря Фюльсбюттель. В главном герое — Торстене — были определены черты, характеризующие тип борца, который позже особенно ярко проявил себя в ходе жестокой войны с фашизмом. Ситуация борьбы, отраженная в повести В. Бределя, строится на антагонизмах: люди—враги, гуманизм—фашизм. Автор «Испытания» начал поиски ответа на вопрос о социальных и в меньшей мере — о психологических корнях прихода гитлеризма к власти. Идеи человеческой активности, сопротивления дикой силе, запечатленные в повести В. Бределя, становятся предметом размышлений многих писателей.

Несколько иная концепция человека в «Мемориале» Г. Вайзенборна. Исходя из убеждения, что фашизм — явление не социальное, а моральное, автор разоблачает гитлеризм с точки зрения его культурной дикости и морального варварства. В основе его концепции пассивный человек, которому

недостает мужества, сил и убеждений ни противостоять фашизму, ни активно бороться за его уничтожение.

В произведениях В. Бределя, В. Лангхоффа, Э. Вихерта, Г. Вайзенборна, воссоздающих современность, преимущественно уделялось внимание антитезе: камера и фашизм, заключенный и гитлеровец. Вероятность и точность изображенных картин составляли и будут составлять их положительные черты. Это были художественные произведения и одновременно человеческие документы, которые своей достоверностью и автобиографичностью сыграли значительную художественную и политическую роль.

И почти одновременно развитие немецкой антифашистской литературы идет и другим путем. Писатели стремятся решить проблему «народ и гитлеризм». С этой точки зрения интересна повесть А. Зегерс «Седьмой крест». Опираясь на достижения своих предшественников и развивая их завоевания, А. Зегерс психологически углубила изображение фашизма и вслед за В. Бределем обосновала необходимость борьбы с гитлеризмом, вкладывая в понятие сопротивления не только моральный смысл. А. Зегерс, как и В. Бределя, интересовали не столько духовные источники фашизма, сколько социальные и экономические его истоки. Многие художественные явления, наблюдаемые в повести, интересны как типологические: одинаковые либо похожие условия вызывали к жизни аналогичную художественную трактовку событий и поведения героев посредством различных приемов психологического анализа.

Довоенная антифашистская литература отличалась рядом общих черт как в постановке проблем, так и в художественном воплощении. Рассматривая тему столкновения двух сил, которая решалась в немецкой литературе как «лагерная» тема, нельзя не отметить, что в этом же русле шли художественные поиски А. Гаврилюка. Общее в разоблачении гитлеризма с социальных и классовых позиций для писателей диктовалось осознанием того, что фашизм — это, в первую очередь, крайняя форма проявления империалистической реакции, идеологии буржуазии.

Что касается решения этой темы, то А. Гаврилюка, как и В. Бределя, интересовал аспект: «человек и концлагерь». Произведение А. Зегерс выходит за эти рамки, изображая жизнь немецкого народа за пределами концлагеря. И Гаврилюк, и Бредель обращаются к изображению крайней ситуации и ее влияния на психику человека, раскрывая страшную

правду о нацистской системе уничтожения. В. Бредель дал своеобразную летопись тюремных будней, служащую исходным материалом для размышлений об антигуманной сущности фашизма. А. Гаврилюка более всего интересовала психология сопротивления.

Литературе этого периода присуща общность художественных акцентов. Прежде всего — обращение к жанру повести, фактографическая точность, документальная основа которой служит предпосылкой убедительности свидетельств. Форма автобиографической повести продиктовала в «Березе» А. Гаврилюка специфическую форму повествования от первого лица, подчиняющую использованный в определенных разделах рассказ от третьего лица, которым так широко пользуется В. Бредель в «Испытании». Это способствует возникновению лирической атмосферы, создает поэтическую стихию повествования, но в произведениях Бределя и Зегерс — это отдельные лирические ноты, своеобразный зачин, в то время как повесть «Береза» насквозь проникнута лиризмом, создана из лиро-эпического сплава. В этом сказалась национальная особенность повести как произведения украинского автора.

Общей чертой композиции антифашистской прозы довоенного периода является определенная статичность фабул, объясняемая спецификой темы. В «Березе» внутреннее сопротивление героя составляет основной нерв сюжетного развития произведения. Проведенные в работе параллели подтверждают типологическую близость произведений Гаврилюка и немецкой антифашистской литературы 1933—1945 гг.

В разделе изучены пути развития и послевоенной антифашистской литературы, подтверждающие преемственность лучших традиций автобиографической прозы, возведенной на документальной основе. Антифашистская тема в послевоенной немецкой литературе развивается в тех же трех основных направлениях, но соотношение произведений различных тем и жанров существенно изменяется. С этой точки зрения интересны книги С. Хермлина «Первая шеренга» (1951), Бодо Узе «Патриоты» (1954), Б. Алитца «Голый среди волков» (1958), Г. Фаллады «Каждый умирает в одиночку» (1947).

Связь Бруно Алитца с традициями предыдущей антифашистской литературы несомненна. Прежде всего она ощущается в постановке темы. Основной внутренний конфликт произведения — конфликт между принципами человечности, сохраняемыми коммунистами, и деградированной моралью фашис-

тов — также продолжает предшествующую литературу, в которую столь органично одним из первых вошло произведение А. Гаврилюка. Здесь, как и в «Березе», стоит проблема физической и духовной выдержки человека.

Интересны и другие аспекты темы, отраженные в исследовании различных путей развития антифашистской литературы, исходной позицией которой была документальная основа. Показательно произведение Г. Фаллады, соединяющее три качества: документальную точность истории, свидетельские показания очевидца и яркую фантазию художника. Моральное вырождение человека, связавшего свою судьбу с господствующей властью и идеологией фашизма, — вот о чем Фаллада сказал сильно, страстно и убедительно. И так же сильно и убедительно он противопоставил эпохе морального разложения и падения нерушимые гуманистические ценности: человеческую порядочность, честность, благородство, преданность цели.

Произведение Г. Фаллады — значительное явление в развитии антифашистской темы и осмыслении проблем человеческой активности перед угрозой гитлеризма. Именно к человеческой активности призывала революционная антифашистская литература, представителем которой был и А. Гаврилюк.

Второй раздел главы посвящен сопоставлению «Березы» А. Гаврилюка с произведением чешского коммуниста Юлиуса Фучика «Репортаж с петлей на шее». Проведенные аналогии дают богатейший материал для вскрытия типологических граней литературы, появившейся в разных концах Европы как духовный протест против фашизации культуры.

Ссылки в критической литературе на близость двух писателей носят обратный характер: А. Гаврилюк — революционер и писатель предстает как человек, который якобы повторял Фучика. На самом деле мысль должна развиваться по-иному: не Гаврилюк повторял Фучика, а они вместе шли одним путем подпольной борьбы с реакцией фашизма, и украинский писатель **первым** оставил художественное свидетельство о способах убийства человека и человеческого начала в нем, и главное — о сопротивлении этому насилию.

Если же говорить о близости этих писателей, то она несравненно существеннее, чем это до сих пор представлялось. Схожесть в творчестве чешского и украинского писателей возникает прежде всего на почве близости их мировоззрения и натур, при всей разнице национального характера, проис-

хождения и воспитания. Это духовные братья с общей судьбой, родственными этическими правилами и эстетическими принципами творчества. Литературная деятельность Гаврилюка и Фучика проходила в пределах разных национальных культур, но они, несомненно, знали о существовании друг друга, тем более, что редакция ж. «Вікна» поддерживала в то время весьма тесные контакты с прогрессивными чешскими изданиями и с редактируемой Фучиком «Творбой».

Общность судьбы революционеров-коммунистов привела и к написанию во многих деталях родственных произведений. Естественно, что, обличая изощренные методы уничтожения человеческой воли и достоинства, выработанные фашистами и при всем разнообразии столь стандартизированные, оба писателя, не повторяясь, говорили об одной и той же системе.

Есть много общего в центральных образах рассказчиков «Березы» и «Репортажа с петлей на шее». Главной чертой образа автора в произведениях является активность натур, неспособных быть нейтральными и отчужденными от человеческого горя. Поставив в центр своего творчества основной конфликт современной эпохи — конфликт между гуманизмом и фашизмом, демократией и тоталитаризмом, — писатели своим поведением показали пример человеческой активности в защите справедливости. Пафос деяния, пафос преобразования мира, выраженный 11 тезисом К. Маркса, — «философы лишь различным образом объясняли мир, дело заключается в том, чтобы изменить его»¹, — сказанся так же на деятельности Гаврилюка и Фучика, как и на творчестве и личной судьбе художников социалистического мира и передовых писателей зарубежных стран. Стихия писателей-антифашистов — активное революционное деяние и художественное творчество как результат и компонент этого деяния. Именно этим питается мужество, способность выдержать все издевательства и не изменить. Герой «Репортажа», как и «Березы», стремится развить чувство долга у других. Психологию этого чувства хорошо передал А. Гаврилюк.

Желанием понять и передать другим внутренние ресурсы выдержки и мужества перед лицом жесточайших физических и моральных мук диктуется своеобразное понимание роли писателя и функции искусства, о которых так выразительно сказали Гаврилюк и Фучик. Для них быть писателем — означает прежде всего действовать во имя добра и быть му-

¹ К. Маркс. Тезисы о Фейербахе. Сочинения, т. 3, стр. 5.

жественным, чтобы учить героизму других, ибо, как подчеркнул чешский коммунист, «обязанность быть человеком не кончится с теперешней войной, и для выполнения этой обязанности потребуются героическое сердце, пока все люди не станут людьми»¹. Стремлением литературно задокументировать увиденное и пережитое А. Гаврилюк объясняет спокойствие, встающее из решимости выполнить писательский долг: «Властиво кажучи, твій побут у Березі, більше ніж чий-небудь, оправданий»².

Исключительная откровенность, искренность и страстность публицистических размышлений, обращенных к читателю, составляют общность книг Гаврилюка и Фучика. Есть даже текстуальное совпадение отдельных размышлений украинца и чеха, конечно, возникшее стихийно. Лиричность рассказа у обоих органически переплетается с пронической струей.

Произведение Гаврилюка с «Репортажем» роднят общие черты не только в идеях, но и в художественной форме. В пределах типа рассказа от первого лица и Гаврилюку, и Фучику удалось овладеть особенностями литературной формы, которую можно отнести и к жанру психологической повести, и к репортажу. От репортажа — документальная точность, быстрота смены событий, не связанных какими-либо рамками выработанной фабулы. А от психологической повести — углубленное внимание не столько к самим событиям, сколько к реакции на них, стремление понять сложные процессы, происходящие в душе человека, попавшего в круговорот страшных истязаний. Внутренний драматизм и психологический накал обоих произведений при внешней форме сдержанности выражения этого напряжения придают им особую экспрессивность.

Позже Я. Галан напишет, что А. Гаврилюк чудесно владел языком новой эпохи. Максимальная сдержанность изъясления чувств в наиболее драматических ситуациях, подчеркнутая ясность художественной формы (были признаками стиля прозы новой эпохи — середины XX в. Речь идет также о динамической цельности, монолитности, осуществленной и защищенной в борьбе духовной и практической. И тут близость автобиографических произведений украинского и чешского писателей выступает как общность тех путей в поисках нового художественного языка, какими идут украинская и чешская ан-

¹ Ю. Фучик. Репортаж с петлей на шее, М., «Молодая гвардия», 1965, стр. 231.

² О. Гаврилюк. Пісня з Берези, К., «Дніпро», 1970, стр. 108.

тифашистская литература в лице А. Гаврилюка и Ю. Фучика. За этим стоит идейная общность коммунистов, ведущая к родственности произведений, построенных на принципах социалистического реализма.

В третьем разделе главы исследуются пути развития польской антифашистской литературы. В Польше довоенных лет она была представлена преимущественно поэзией (В. Броневский, Ю. Тувим, Л. Шенвальд). Большая часть прозаических произведений увидела свет после 1945 г. Литература первых послевоенных лет носит активный антифашистский характер, на первый план в творчестве преобладающего большинства писателей выступает разоблачение гитлеризма.

Как и в немецкой литературе, большое место занимают здесь книги автобиографического плана, составляющие ядро польской документальной прозы (Г. Марцинек, З. Коссак, Т. Боровский). Эти произведения в 60-е гг. были классифицированы по проблемно-жанровому признаку в семитомной «Antologia pamięci 1939—1945»¹. В отдельный том «Za drutami» сгруппированы произведения, посвященные «концлагерной» теме и представляющие образцы автобиографической прозы.

«Концлагерная» тема нашла яркое выражение в самобытных произведениях Т. Боровского, доминирующим мотивом которых был гуманистический пафос, проистекающий из обвинений против преступной политики гитлеризма. В произведении «Были мы в Освенциме» (1946), в сборнике «Прощание с Марией» (1947) художественно исследован процесс ожесточения человека, методы и результаты унижения его достоинства. Автора интересовали два аспекта проблемы: социальный и моральный. В социальном плане раскрыты связи между механизмом концлагерей и крупным капиталом («У нас в Аушвице»). Центральная параллель между древними рабами и заключенными, являющимися современными рабами XX в., раскрывается с помощью аксессуаров нового рабства: конкретных деталей, штрихов концлагерного ада. Моральный ракурс изображения лагерной жизни преумножил достижения антифашистской литературы («Каменный мир»). Польский писатель резко осудил фашистское варварство и насилие; путем борьбы с гитлеризмом талантливый, преждевременно умерший Т. Боровский пришел к социалистической идеологии.

¹ Antologia pamięci 1939—1945, „Książka i Wiedza”, 1965—1966, тт. 1—7.

Достоверность автобиографической прозы используется в послевоенные годы во многих произведениях на антифашистскую тему. Суровая документальная точность, подкрепленная многими материалами, удачно сочетается с проникновением в характеры в широко известном сборнике рассказов З. Налковской «Медальоны» (1946).

«Концлагерная» тема в 1945—1949 гг. воплощалась в основном в жанре рассказа и поэзии. Только в 50-е гг. появились антифашистские повести («...бегом марш!» М. Мирского, «Пассажирка» З. Посмыш, «Конец нашего мира» Т. Голуя).

Среди произведений автобиографического характера выделяется книга «...бегом марш!» Михала Мирского (1958), ставшая после повести А. Гаврилюка вторым письменным свидетельством о концлагере Береза Картузская. В украинском издании книги содержится глава, посвященная политзаключенным, выходцам из Западной Украины, в частности А. Гаврилюку. Детально рассказывая о поведении коммуниста за решеткой, М. Мирский раскрыл характер влияния Гаврилюка на заключенных. Такое влияние проявилось и в литературном труде самого автора новой польской автобиографической повести.

Сопоставление двух произведений о концлагере Береза дает интересный материал о развитии традиций А. Гаврилюка в польской литературе. М. Мирский обращается ко многим вопросам социально-политического и морально-этического плана, разработанным значительно раньше в «Березе» и возникшим под непосредственным влиянием антифашистского произведения украинского писателя. Но автор польской книги, в отличие от Гаврилюка, сосредоточил свое внимание на внешнем изображении характеров. Отличают «Березу» и признаки повести с выразительно психологическим спектром. Повесть украинского писателя от «...бегом марш!» отличается глубоким лирическим подтекстом, а также большой сконденсированностью мыслей и чувств.

В повести «Пассажирка» З. Посмыш широко использованы приемы и способ изложения, употребляемые в антифашистских автобиографических произведениях о пребывании в концлагере.

Первое зерно памяти о мужестве заключенных белопольских концлагерей было посеяно «Березой» А. Гаврилюка, создавшего модель автобиографического антифашистского произведения. Повесть исходила как из западноукраинских, так и польских источников и была близка двум народам. Тради-

ции автора развили польские писатели. В документально-художественных произведениях они свидетельствовали о том самом зле — фашизме, — о котором в украинской и польской литературе первым заговорил А. Гаврилюк. Польским же литераторам нужна была дистанция времени, пока в их прозе поднята была на соответствующую высоту «концлагерная» тема как проблема осуждения фашизма и его позорных последствий, повлиявших на судьбу человечества XX в. Первым рассказом о европейской беде, выражением которой является концлагерь — система фашистского уничтожения «в миниатюре», — среди славянских свидетельств был художественный документ украинца. Он за мрачными картинами существования в застенке увидел силу сопротивления, приведшую к победе над фашизмом. Его произведение — это художественный памятник человечности заключенных, которые, вопреки злодеяниям, лицемерию и садистской жестокости тюремщиков, сохраняют честь борца, вооруженного коммунистическим мировоззрением, и чувство собственного достоинства. В повести А. Гаврилюка преобладает мотив прославления борца, вознесшего психологию сопротивления до уровня закона жизни.

А. Гаврилюк и продолжатели его дела в польской литературе, как и многие другие авторы антифашистских произведений, служили делу гуманизма, боролись за общечеловеческие ценности, одинаково близкие украинцу и поляку, чеху и сербу, немцу и французу.

В четвертом разделе исследуются особенности антифашистской литературы Франции и делаются типологические сопоставления с творчеством А. Гаврилюка.

Непосредственное участие лучших французских писателей в антигитлеровской борьбе изменяет характер литературы, возрождая лучшие патристические и героические идеалы. Движение антифашистской темы в прозе французского Сопротивления отразилось в произведениях Веркора («Молчание моря», 1941), Э. Триоле («Авиньонские возлюбленные», 1943), изображающих типологическое явление прихода незаметных и негероических по характеру людей к антигитлеровскому движению. Авторы исследуют типичные социально-психологические черты, обуславливающие активность людей в борьбе с оккупантами либо коллаборационизм.

Отдельную группу составляет документальная литература, преимущественно автобиографического характера («Плот Медузы» Л. Муссиака, «Диалоги в тюрьме» Б. Вильде).

Интересные грани поставленной проблемы раскрываются в процессе изучения очень своеобразного произведения Бориса Вильде, сумевшего в своем лаконичном творении вскрыть главные тенденции в жизни человека XX в. Неординарна и сама личность автора, русского по происхождению, инициатора самого названия «Résistance», активного антифашиста, который погиб в 1942 г. как патриот Франции. Его предсмертное завещание, созданное в фашистском застенке, осталось художественным выражением и образцом активности натуры, способности человека встать на борьбу за идеи гуманизма. Б. Вильде, как и А. Гаврилюк, говорит о цельности борца, вырастающей из победы над возможным раздвоенным человеком. Борьба двух начал в человеке — социального и биологического, в частности, преданности делу и инстинкта самосохранения, — раскрывается как сложный процесс, происходящий в душе человека. Конфликт двух «я» в форме диалога построен на резком столкновении анимальной природы и гражданского долга. Логикой художественного развития, построенного по принципу антитегической композиции, доказывается, как социальные чувства преодолевают биологический инстинкт самосохранения, который, вступая в противоречие с высокими этическими требованиями, подчиняется общественной программе силой воли и целенаправленностью борца. Отсюда столь полнокровный образ героя — человека с богатым духовным миром, с тонким ощущением красоты окружающей, культуры человеческих отношений.

Понимание силы человеческого духа, базирующейся на чувстве долга, полном осознании своей ответственности за судьбу борьбы, объединяет Б. Вильде с А. Гаврилюком, Ю. Фучиком как представителями европейского антифашистского искусства. Опыт Сопротивления приводил к аналогичным художественным размышлениям, к типологической схожести, к общности этической и эстетической программы. Интересна с этой точки зрения психология коллективизма, разработанная А. Гаврилюком как проблема организованности, единства и сплоченности заключенных. Тесно сближают «Березу» и «Диалоги в тюрьме» Б. Вильде понятия чести и человеческого достоинства, составляющие моральный пафос этих книг. Показательны и отраженные в этической программе авторов общечеловеческие чувства, особенности их характеров и явления лично-бытового плана.

Сопоставление писателей разных литератур доказывает далеко не внешнюю общность героических и мученических

судеб. Их роднят и некоторые общие мотивы творчества — близость тем, сходство социально-психологического склада их героев. Хотя эта близость у А. Гаврилюка и Ю. Фучика больше, чем, предположим, у Гаврилюка и Вильде, но все они духовно родственны.

Традиции Б. Вильде были своеобразно развиты во французской послевоенной литературе документально-автобиографического характера («Побег» Ж. Коньо; «Живые борются», «Мы вернемся за подснежниками», «Роз-Франс» Ж. Лаффита, «Последняя крепость» П. Декса и др.). Решая антифашистскую тему в послевоенное время, прогрессивные писатели Франции, невзирая на разнообразие исходных позиций, стремятся разобраться в причинах и закономерностях антигуманной идеологии и ее носителей.

* * *

В итоговой части — «Единство разнообразия» — аргументируется тезис: опыт антифашистской европейской автобиографической литературы убеждает, что «плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием»¹. В литературе 30-х гг. XX в., которая была прежде всего антифашистской, обнаруживается много общих тенденций. Творчество украинского писателя А. Гаврилюка несет на себе печать главных особенностей всемирного идейно-художественного процесса, связанного с борьбой против реакционных социальных стремлений гитлеризма. Произведения А. Гаврилюка в общем контексте европейской литературы 30-х гг. стали документом антифашистской борьбы.

Проблема типологического сходства «березского цикла» с произведениями зарубежных писателей-антифашистов важна не только для разнообразной оценки достоинств художественных открытий автора «Березы», но и для масштабной характеристики украинской литературы как необходимого звена в развитии мировой культуры. Антифашистская тема открыла глубокую партийность А. Гаврилюка, конкретную историчность его мышления, засвидетельствовала значительные художественные достижения, углубление психологического анализа в нашей прозе.

Типологическое сопоставление прозы 30—40-х гг. XX в.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Сочинения, т. 4, стр. 428.

показывает, что у антифашистских писателей, прежде всего коммунистов, совпадают социальные, психологические и моральные коллизии. Это касается исторического оптимизма, наблюдаемого в повести «Береза» А. Гаврилюка, психологии сопротивления, разработанной им в типичном ключе для литературы 30-х гг. (не только морально-психологическое, но и социально-политическое толкование), проблемы гуманизма, художественно решенной в плане изучения морального облика человека. В произведениях представителей этого течения искусства отразилась эволюция гуманизма как один из идейно-революционных сдвигов. Для писателей-антифашистов, особенно людей социалистического мировоззрения, был органичным отказ от пассивной созерцательности ради позиций активного, воинствующего гуманизма.

Полифоничность проблематики, разрабатываемой на антифашистском материале, также засвидетельствовала общую тенденцию. К примеру, широко ставилась проблема творца и его назначения в общественной жизни народа перед угрозой фашизма. Концепция гражданского долга и предназначения писателя решалась в конкретных формах борьбы с фашизмом в разных странах Европы. Именно поэтому А. Гаврилюк, Ю. Фучик, В. Бредель, Б. Вильде, М. Джалиль через свои переживания передавали гуманистическую сущность искусства, призванного защищать человека. Отличительной чертой процесса развития антифашистского революционного искусства было отражение могучего влияния политики на художественную литературу, проявляющегося в возрастании удельного веса публицистики в художественном творчестве многих писателей.

Антифашистское движение породило общность трактовки проблем этического порядка, остро стоящих перед писателями разных стран. В их произведениях сильно подчеркнуты идеи интернационализма, коллективизма, единства общих усилий как условия жизни людей. Отсюда заветы общественно-психологического сопротивления, моральный максимализм, концепция красоты и силы человеческого духа, этика патриотизма и осуждения эксплуататорской морали, взаимосвязь личного и гражданского, проблема человеческого счастья и радости, достоинства и чести, открывающие особенный подход к человеку XX в.

В антифашистском движении проявилась и другая общая тенденция — утверждение писателей на позициях социалистического реализма, вследствие чего у А. Гаврилюка и Ю. Фу-

чика, В. Бределя и А. Зегерс отражена жизнь народа в решительные моменты исторического развития, в движении к социалистическим идеям.

Типологическая общность антифашистских литератур нашла отражение и в усиленном внимании к национальным традициям, которое диктовалось потребностью защиты культуры от гитлеровского варварства. Стремясь в эволюции собственного сознания раскрыть социально-типологическое, исторически закономерное, писатели-антифашисты анализировали национальное своеобразие своих героев. К общим антифашистским принципам писатели приходили, исходя из мотивов национального характера и отечественных традиций.

Что же в творчестве А. Гаврилюка является наиболее весомым, составляет важнейшую часть антифашистской литературы?

1. Создание образа положительного героя, высокий героизм которого рождается в тяжелейших испытаниях борьбы, в сопротивлении фашистской идеологии и методам экзекуции, в утверждении неистребимости революционного духа. Основным стимулом поисков писателя было выдвижение на первый план человека с новым идейным, моральным и психологическим комплексом. Ведущим началом в нем была стойкость, мужество, партийная честь как предпосылка психологии сопротивления. В художественном открытии сопротивления А. Гаврилюк нашел новую формулу цельности характера героя. Основой политической, философской и моральной концепции такого героя была верность антифашистским убеждениям, преданность марксистско-ленинским идеям.

2. Проблема монолитной и рефлексивной личности. Характер, как органическое соединение неповторимости и всеобщности, проявляется в своеобразном качестве. Это характер человека исключительной цельности, удивительной внутренней монолитности, исключаящей какую-либо половинчатость в выборе жизненного поведения. Но характер этот предстает вследствие разнообразных рефлексий, первоизданной естественности чувств человека, которому ничто человеческое не чуждо. В то же время он многотональный по психическим реакциям, непосредственный в своем мировосприятии.

3. В опыте А. Гаврилюка, как и антифашистов вообще, весомой является концепция человека как активного деятеля. Воспевая героя, который своей деятельностью активно изменяет мир, революционно преобразует действительность, антифашисты выдвинули идеал человека активного действия.

Этический идеал писателя XX в., рожденный революционной борьбой пролетариата, эпохой Октября, могучим антифашистским движением, воспринял много черт революционной демократии. Но в несравненно большей мере в этом идеале обозначилась черта личного деяния, человеческой активности, составляющих наиболее привлекательные качества писательских характеров, облика писателей-коммунистов, вынесших всю тяжесть идейной и вооруженной борьбы с фашизмом.

Каковы же собственно эстетические достижения А. Гаврилюка?

Во-первых, верность шевченковским и пушкинским эстетическим идеалам простоты, ясности, той откровенности, которая не оставляет места прикритым, модулирующим неискренности. Традиции этой школы, широко внедренные в «березском цикле», эта неразрывная линия продолжают существовать и в лучших образцах современной литературы и составляют несомненную эстетическую силу в нашей действительности, оказывают глубокое эмоциональное воздействие.

Во-вторых, принцип поднятия документальной истории до наилучшего художественного образца. Не случайно продолжает развиваться автобиографическо-документальное течение современного искусства, предшественником которого был А. Гаврилюк. Документальная литература получила широкую популярность в разных культурах, в том числе и современной литературе Украины, также и потому, что существует «Береза» украинского писателя.

Одновременно в тенденциях, стоящих за «березским циклом» западноукраинского писателя, обозначился и иной аспект. «Береза» и много других произведений — разных по художественным качествам — доказывают, что общая боевая история борьбы с фашизмом обуславливает появление тематически и идейно близких творений в разных литературах, служит причиной параллелизма в изображении развития однородных явлений, но эта общность не приводит к художественной идентичности, к нивелированию черт творческого облика художников и их созданий.

Величие писателей-коммунистов, борцов против фашизма, проявилось в том, что они в своей твердости и преданности идеям партии, интересам народа подошли к пределу выдержки, присущей человеку, и силой своего терпения, чистотой своей смерти, крепостью своего духа достойны служить высочайшим примером для каждого человека. Произведениями А. Гаврилюка украинская литература внесла достойный

вклад в борьбу с фашизмом. Огромнейшая заслуга западно-украинского писателя состоит в том, что он одним из первых в славянских литературах поставил тему сопротивления как тему классовую, социальную, политическую и моральную. И это непосредственно связано со жгучими проблемами идеологической борьбы наших дней.

... ..

По матеріалам дисертації опубліковані наступні роботи:

1. Безсмертний творець «Березя». В кн. «Митці народу». Збірка статей про творчість радянських письменників. Одеса, 1961.
2. Український і польський твори про Березу Картузьку («Береза» О. Гаврилюка та «... bieg'iem marsz!» М. Мірського). Сб. «Ювілейна наукова сесія, присвячена 100-річчю Одеського державного університету ім. І. І. Мечникова», Одеса, 1965.
3. Композиція повісті «Береза» О. Гаврилюка. В кн.: «Тези доповідей наукової конференції філологічного факультету, присвяченої 100-річчю Одеського державного університету. Одеса, 1965.
4. І. Франко й О. Гаврилюк. Сб. «Іван Франко і історико-літературний процес», *Відділення філології Одеського університету, 1968.*
5. Психологічний аналіз в оповіданні О. Я. Гаврилюка «Прощайте». Сб. «Матеріали наукової конференції молодих учених університету», Одеса, 1968.
6. Риси автобіографічної повісті. Сб. «Розвиток і оновлення видів і жанрів та мовностилістичних засобів художнього зображення в радянській літературі». Матеріали міжвузівської республіканської наукової конференції. Одеса, 1968.
7. Хвала життю (До 60-річчя Б. В. Вільде). «Чорноморська комуна», 1968, № 123, 25 юнія.
8. Психологія опору (Ідейно-етичні засади і естетичні принципи творчості письменників-антифашистів). Журнал «Вітчизна», 1971, № 6 (в печаті).

БР 05381. Подписано к печати 5-4-71 г. Формат бумаги $60 \times 84^{1/16}$
Печ. л. 2. Уч.-изд. 2. Заказ 1563. Тираж 180

Одесская городская типография
Управления по печати Одесского облисполкома,
Ленина, 49